

**«НЕ ПРЕРВАТЬ НИТЬ,
СВЯЗЫВАЮЩУЮ МОИХ УЧИТЕЛЕЙ И МОИХ УЧЕНИКОВ»
(К 60-летию Л. В. Варавиной)**

Юбилей человека, которого безмерно уважаешь, которому многим обязан, – прекрасный повод и одновременно редкая возможность пообщаться, не особенно беспокоясь о жестком графике наших будней. Задать вопросы, которые, не будь такого повода, могли бы показаться проявлением праздного любопытства. Расспросить о вещах самых разных, из которых складывается образ. О детстве и музыке, учении – собственном и своих питомцев, о семье и о творчестве. Попросить не только вспомнить, но и поразмышлять.

– Дорогая Людмила Васильевна! Лейтмотивом нашего разговора хочу выбрать тему преемственности в самом широком ее понимании – и семейном, и профессиональном. Но вначале, конечно, о Ваших родителях...

– Мои родители – вполне состоявшиеся в жизни люди. Папа – кадровый военный, прошел войну с первого до последнего дня танкистом, был ранен, контужен. Награжден тремя Орденами Красной звезды, Орденом Отечественной войны первой степени, множеством медалей. Всю жизнь продолжал учиться, осваивая смежные специальности, прекрасно владел немецким. Мама более 25 лет проработала учителем истории в школе, ее педагогический опыт изучали по всей Украине, она награждена Орденом «Знак почета» и целым рядом медалей.

– Как возник в Вашей жизни баян? Вы сами его выбрали или кто-то это сделал за Вас?

– Сначала я занималась на скрипке – это была мамина идея. Родители купили инструмент, когда мне было шесть лет. Но папу часто переводили из одной воинской части в другую, вскоре мы переехали в другой город, где у меня не было возможности заниматься с преподавателем. Переезды продолжались несколько лет. Когда мне исполнилось десять, мы приехали в Новоград-Волынский. Был март, но мне так хотелось заниматься музыкой, что я упростила маму сходить со мной в школу и уз-

нать, возможно ли мне продолжить обучение хоть на каком-то инструменте. Там сказали, что я «переросла» скрипку и фортепиано и что можно заниматься лишь на баяне. Я сказала «да». А мама пришла в ужас.

– И как Вам удалось переубедить маму?

– Папа помог. Он сказал: «Замечательно! У меня ординарец хорошо играет на баяне, это так здорово! Пусть она немного позанимается, научится играть „Полешко-поле“, „Пой, скрипка, пой“ – я буду счастлив. А мы с моим ординарцем – он понимает толк в баянах – съездим в Житомир на фабрику и купим ей инструмент». Так и произошло. Пока все решалось, наступил апрель, но меня зачислили, поскольку в тот момент молодой преподаватель, сам только поступивший в музыкальное училище, набирал класс. У Анатолия Федоровича Шумакова

опыта работы с детьми не было, поэтому он после разучивания пары легких пьесок (по-моему, это были «Картошка» и «Во саду ли, в огороде») сразу дал мне Чардаш Монти. Нот у него не было, он подобрал по слуху и записал. Мне так нравилось – я даже ночью вставала и играла. Я просто влюбилась в баян!

– *Получается, что в первом классе Вы проучились только два месяца? И за столь короткое время успели дорасти до Чардаша? Завидная карьера!*

– Но недолгая. Да и родители не поддерживали мое увлечение. В их сознании игра на инструменте – для удовольствия, для радости в доме, а не для серьезных занятий. Вскоре мы переехали в Запорожье, я там начала заниматься у замечательного преподавателя, но личный контакт не возник, и я оставила музыкальную школу. Родители были рады, но... мой классный руководитель – Карп Вартанович Газарян – был любителем-аккордеонистом. Узнав, что я играю на баяне, он попросил принести инструмент и поиграть вместе с ним. У него была традиция: на классных часах, вместо выслушивания нотаций, мы пели хором песни. Мы даже готовили с ним вечер, посвященный Чайковскому: он уговорил меня разобрать Баркаролу на готовом баяне, мы с ним выучили несколько пьес дуэтом из «Детского альбома». В общем, он убедил меня вернуться в музыкальную школу.

И преподаватель, Павел Васильевич Чернявский, был рад этому. Сейчас я вспоминаю его с огромной благодарностью и с большим чувством сожаления: судьба его сложилась трагически. Павел Васильевич был человеком огромной деятельной энергии. Представьте: 1962 год, у него масса учеников, он подрабатывал во многих местах, очень хорошо играл по слуху, где-то хор организовал, где-то ансамбль, проводил какие-то смотры, конкурсы, и, в результате, неплохо зарабатывал. Он построил себе дом, который в поселке рядом с другими домами казался просто огромным. Больше половины дома занимал зал с высокими окнами, паркетным полом, куда он купил концертный рояль, поставил телевизор, проигрыватель. Туда же он привез купленные им на собственные деньги тембровые баяны и по выходным собирал своих учеников. Мой будущий муж (Геннадий Дмитриевич Варавин. – Е. П.) играл на баяне-пикколо, меня П. В. посадил, кажется, на баритон. И мы играли концерты Баха, дивертисменты Гайдна – репертуар, который, конечно, не игрался в музыкальных

школах, а тем более на баянах. Мы репетировали, потом слушали какую-нибудь симфонию – у П. В. была хорошая фонотека. Этот ансамбль был чем-то необыкновенным, восхитительным, я окунулась в атмосферу настоящего творчества и очень поверила в инструмент. В пятом классе я и сделала свой выбор – решила идти в музыкальное училище. Увлеченно занималась, учила сложные, недавно написанные для баяна произведения (Речменского, Репникова), начала серьезно штудировать сольфеджио.

– *А в чем трагичность судьбы Вашего преподавателя?*

– Не все адекватно относились к его деятельности, к тому, что он хорошо живет. Очевидно, на него написали донос. Наши родители ходили на суд, пытались его защитить... П. В. осудили на четыре года, было принято постановление о сносе дома. Но даже в тюрьме он развил активную деятельность: выписывал ноты, делал инструментовки, организовал хор, ансамбль, с которыми участвовал в каких-то смотрах – он не мог жить чем-то другим... Выпустили его досрочно, он вернулся в музыкальную школу, пытался как-то восстановить дом. Но, к сожалению, психика его не выдержала, и в последние годы моей жизни в Запорожье, когда я уже оканчивала музыкальное училище, иногда видела его безумным, куда-то бежавшим...

– *Итак, Вы поступили в Запорожское музыкальное училище. Но родители-то были против профессиональных занятий музыкой?*

– Да, мое решение они не поддерживали, настаивали на том, чтобы я продолжала учиться в общеобразовательной школе и получила аттестат зрелости. Время экзаменов приближалось, надо было определяться, и родители в последний день все-таки разрешили мне подать документы. И я поступила в училище – проявила волю. Меня определили в класс Валентина Николаевича Сергеева, который только окончил Харьковский институт искусств по классу Подгорного. Человеком он был очень талантливым, но несколько безалаберным. Мы с ним разучивали сложную программу: «Вечное движение» Паганини, этюды Шопена... Переложения я делала сама, поскольку прошла большую школу у Павла Васильевича и Карпа Вартановича. Переиграла все концерты для баяна. Но уроки были крайне редки, а на третьем курсе я практически занималась сама. В последний год меня перевели к Виктору Николаевичу Оводу – это был

замечательный педагог, он руководил у нас оркестром, вел у меня дирижирование. По личностным качествам он был во многом похож на Павла Васильевича – увлеченный профессионал.

Я вообще счастливый человек, потому что на моем пути все педагоги были неординарными, талантливыми людьми, хотя и очень разными. Никто из них не был догматиком, все они были людьми ищущими. Я их всех вспоминаю с огромной благодарностью.

– Как Вы потом оказались в Ростове?

После окончания училища мне захотелось учиться дальше. Естественно, живя на Украине, я поехала в Донецк. Я успешно сдала экзамены и узнала, что принята на второй курс, но в списках своей фамилии не нашла. Вернулась домой, и тут мы услышали, что открывается новый вуз в Ростове, где экзамены проходят позже. Тем более что они с мамой планировали переехать в Россию и решили, что учиться мне лучше там.

– Сентябрь 1967 года. Вы – студентка первого набора в только что открывшемся Ростовском государственном музыкально-педагогическом институте. Когда Вы поступили, Алексей Владимирович Сахаров был единственным преподавателем по баяну?

– Да. Здесь преподавателей всех специальностей было по одному-два – в основном, это был «десант» из Новосибирской консерватории. Конечно, А. В. сразу произвел огромное впечатление на всех нас, и на меня в том числе: отеческое отношение, профессионализм, манера говорить, общаться – нельзя было не попасть под обаяние его личности. Мне очень понравились и другие педагоги, обстановка в целом. Ремонт в здании только заканчивался, приемные экзамены проходили в Доме офицеров. Нас поступало больше 80 человек, а приняли семейных.

– С кем Вы учились на одном курсе?

– Из народников – с Любой Бевзой, Володей Савченко, из однокурсников, учившихся на других факультетах – с Анатолием Ивановичем Кусяковым, с Мираном Кегамовичем Аргусовым – все достигли в музыке очень многого.

– Потом Вы уехали в Москву, в аспирантуру? Ведь у нас тогда аспирантуры не было...

– Не было. Я поступила в институт им. Гнесиных. Юрий Тимофеевич Акимов тогда заведовал кафедрой и предложил мне написать заявление в его класс. Он был человеком образованным (в тот

период по его инициативе начал выходить сборник «Баян и баянисты»), обладал прекрасными организаторскими способностями, хорошо писал. В то же время он был достаточно амбициозен, и многие московские коллеги его не поддерживали. В силу этих причин мне было трудно с ним общаться и, прозанимавшись у него год, я написала заявление и перевелась в класс к Анатолию Алексевичу Суркову.

– Что дала аспирантура лично Вам – какой-то новый опыт, новое знание?

– Аспирантура для всех – это период саморазвития: ты уже не обременен школьством, свободен в выборе программы, в большей степени предоставлен сам себе. И это в корне меняет многое, начинаешь иначе смотреть на многие вещи, иначе оценивать себя. Не прошли даром и встречи с талантливыми людьми, более тесное знакомство с кафедрой народных инструментов «Гнесинки». Там работали замечательные люди: педагогику у нас вел Владимир Исаакович Авратинер, методику – Борис Михайлович Егоров (интеллектуал, по сей день полон идей). Очень интересным было общение с Сурковым. Он был человеком достаточно жестким, ценил и воспитывал ответственность, дисциплинированность. Я наблюдала его отношения со студентами – там были диктаторские нотки, но это не вызывало у меня никакого протеста, я считала, что это нормально. Всегда очень точно, ясно говорил, что нужно сделать, всегда очень жестко, если это не сделано. Ко мне отношение было другое: мы обсуждали, советовались... Но эти встречи были редкими, поэтому сказать, что они как-то на меня кардинально повлияли, – нет, конечно. Я думаю, все, что я получила, – основной комплекс знаний – я получила от А. В. Сахарова.

– Мне кажется, что Алексей Владимирович был главным учителем в Вашей жизни. И он имел возможность еще в период обучения увидеть Ваши педагогические качества. Это он пригласил Вас работать на кафедре?

– Нет, инициатива исходила от Вячеслава Анатольевича Семенова – в тот период заведующим кафедрой был уже он. Но, разумеется, Сахаров был этому очень рад.

– Вы всю жизнь, уже более 30 лет, работаете в консерватории. Какие этапы в своей профессиональной карьере Вы можете выделить?

– Мне кажется, что в нашей педагогической деятельности каких-то особых этапов нет. Есть со-

стояние поиска: хочется сделать что-то интересное, найти новое в педагогике, в воспитании, в отношениях. Я постоянно нахожусь в состоянии неудовлетворенности – ведь если что и получилось, все равно можно было бы сделать и лучше, и больше. И потому все время ищу, обращаюсь к опыту других преподавателей, методической литературе, книгам по психологии, по истории педагогики. В результате и сама тоже все время меняюсь. А раз так, то меняются и отношения с коллегами, учениками. Меняется уровень исполнительства, а вместе с ним – критерии, требования.

– Думаю, новый этап в Вашей жизни начался тогда, когда Вы стали заведовать кафедрой. Каково на протяжении почти 20 лет руководить мужским коллективом – тем более что долгие годы Вы были единственной женщиной-преподавателем на кафедре?

– Не сразу все удалось, и сейчас еще не все удастся. К этой новой роли я отнеслась как к продвижению вперед. Ситуация была достаточно сложная. Я понимала, что нужно искать какие-то новые формы взаимоотношений с учениками, со студентами. Моей главной целью было привлечение всех наших преподавателей к этому поиску, и я старалась не обозначать свои лидерские качества. Каждый из моих коллег, кроме педагогики, реализует себя в чем-то еще – в методике, в концертной деятельности, административной работе. Для меня всегда было важным, чтобы каждый из них мог максимально раскрыть свой талант. Я думаю, что мои коллеги-мужчины не сразу смогли такие правила сосуществования принять, но потом, по-моему, у нас это получилось. Именно поэтому кафедра так много сделала – это наше коллективное достижение.

– За последние 17 лет на кафедре организовано и проведено более 30 методических конференций и Южно-Российских конкурсов учащихся училищ по специальности (баян, аккордеон, кавказская национальная гармоника, домра, балалайка, гитара), ансамблю, дирижированию; смотры-конкурсы оркестров, семинары их руководителей. Научно-методическая конференция преподавателей методики и истории исполнительства и конференция по актуальным проблемам профессионального образования в системе «школа – училище – вуз» были и проведены впервые в России. Выпущены методические и нотные сборники, проведено огромное количество концертов, творческих встреч... Трудно было справиться с таким объемом?

– Без моих коллег это было бы не под силу. Что касается кафедральных и общеконсерваторских мероприятий – мы всегда единомышленники. Кто-то готовит методическую часть, кто-то концертную программу, кто-то берет на себя решение организационных и технических вопросов – каждый занимается тем, что он может сделать лучше других. Работать в таких условиях всем нам легко – все предсказуемо и осуществимо. Мне кажется, что это оптимальная форма для нашего коллектива. Но у каждого постоянно возникают новые идеи, каждый находит способ самореализации. Если человек чувствует себя реализованным, ему проще быть чьим-то единомышленником.

– Вы допускаете в работу дружеские отношения?

– Скорее, приятельские. По-моему, они больше способствуют продуктивной работе.

– А вообще друзей у Вас много?

– Очень близких друзей, наверное, немного – как у каждого человека в моем возрасте. Но они есть, и это замечательно. Мысленно я часто общаюсь и с теми, кого уже нет – для меня они по-прежнему живы.

– Уча других, мы учимся сами. Можете ли Вы сказать, что учитесь сегодня чему-то помимо своей профессии?

– Помимо?.. Наша профессия – настолько обширное «пространство», так много в себя включает, столь многого требует... И профессионализм в связи с этим я очень широко рассматриваю.

– Какой из смежных видов искусств Вам особенно интересен? Вы никогда не думали о том, что могли бы заниматься чем-то другим? Или Вы нашли себя в музыке «на сто процентов»?

– Другие виды искусств никак нельзя отделять от нашей профессии. Вы спросили перед этим про друзей – у меня есть близкие друзья-художники, и общение с ними для меня очень интересно и важно. Я читаю их методическую литературу, музыканту весьма любопытно посмотреть, что они делают для развития образных представлений студентов, как учат воссоздавать пространство, работать с цветом, композицией. Меня очень интересует живопись: я собираю репродукции, читаю о художниках... Естественно, литература, поэзия, театр, кино – все это очень притягательно. И хотелось бы изучать их больше.

– Интересы, связанные с творчеством в разных проявлениях, примерно Вами очерчены. А что важно для Вас, кроме «высоких материй»?

– Общение с детьми. Без этого жизнь очень многое потеряла бы. У моих двоих детей большая разница в возрасте, поэтому общение с ними плавно перешло в общение с внуками. Надеюсь, что так будет и дальше.

– *А сейчас позвольте провокационный вопрос. Каждый из нас как-то себя представляет. В нескольких словах дайте себе характеристику. Какая Вы?*

– Вот на этот вопрос мне ответить трудно. Какой смысл Вы вкладываете в этот вопрос? Как я себя оцениваю?

– *Какие качества Вам присущи? Ведь Вы себя знаете как никто другой.*

– Я, наверное, больше могла бы сказать о том, что мне в себе не нравится. Мне бы хотелось в этой жизни успевать больше. Что еще? Я не публичный человек в той мере, в какой того требует моя должность. Наверное, надо больше себя рекламировать на радио, в газетах, на ТВ. Но меня это утомляет, я к этому не стремлюсь – даже, скорее, стараюсь этого избегать. И это неправильно, тут я как-то не очень борюсь с собой.

Основным своим минусом могу, наверное, назвать нежелание всегда активно отстаивать позицию – чаще я стараюсь просчитать, предвидеть ситуацию, затем определяю свое мнение и жду, пока ситуация разрешится. Но резко предпринять какие-то действия? Это происходит редко. Наверное, лучше, если бы было иначе. Но это моя сущность. Не знаю, что еще о себе сказать?

– *Скажите так, как мы характеризуем другого человека: мягкий, деликатный, целеустремленный... Свойства характера, которые Вы считаете в себе важными.*

– Мне очень трудно судить, потому что моя собственная оценка и оценка со стороны часто не совпадают. К примеру, я считаю себя человеком последовательным и стараюсь, чтобы мои действия были понятны и объективны. Однако мне не раз говорили, что я непредсказуема. В каждом вопросе я руководствуюсь своими представлениями, понимая, что мои действия могут не понравиться. Но я убеждена, что вижу ситуацию шире и поступаю соответственно.

– *На мой следующий вопрос Вы уже частично ответили. И все же: какой Вас видят со стороны?*

– Если мои решения совпадают с представлениями других людей, естественно, мне говорят, что все очень разумно, последовательно и правильно.

Но это при совпадении. Поэтому как к тем, так и к другим словам я, в силу своего характера, отношусь спокойно. Понимая, что объективность – зачастую просто совпадение двух субъективных мнений, и наоборот.

– *А что для Вас важнее – семья или работа?*

– Я бы не сопоставляла. Да, профессия занимает огромное количество времени, человек там реализуется. Но работу можно поменять или оставить. А семья – это то, что дается от Бога. И ничего важнее жизни близких людей нет. Хотя из-за работы иногда семье приходится уделять меньше внимания. Но приоритет всегда – семье. Это – безусловно.

– *Я знаю, что к своим ученикам Вы всегда относились, как к детям. Может, это та «точка», где эти сферы – семья и работа – пересекаются?*

– Я думаю, в таком отношении к ученикам проявляется приоритетная роль семьи в моей жизни. Дети, внуки, ученики – я несу ответственность за их формирование. Пять лет, которые студент проводит с педагогом, для него очень важные сложные годы, годы становления. В это время они с педагогом по специальности общаются больше и регулярнее, чем со своими родителями. И ты должен учить, воспитывать, следить, как развивается человек, – и не просто следить, а активно участвовать в этом. В этот момент мы все – семья. И мне хочется, чтобы такие доверительные отношения (в допустимых рамках) мои ученики проецировали потом на свою семью, на своих учеников.

Практически все мои выпускники очень хорошо устраивают свою жизнь, адаптируются в коллективе, не боятся взаимоотношений. Главное – чтобы они ощущали, что доверительность, здравый смысл, теплота человеческих отношений возможны в этой жизни. Чтобы они не обозлились, чтобы у них не пропала вера в себя, чтобы они нашли свое место в нашей профессии. Чтобы они не сравнивали себя друг с другом и мое отношение к каждому из них. Для развития их личности они должны чувствовать, что важны для меня и важны для себя.

– *Сейчас в семьях – один-два ребенка, и большие заводить не решаются, потому что это требует самоотверженности, эмоциональной отдачи. А у Вас в классе их постоянно человек 10–15, всего же число Ваших выпускников приближается к 80. Как Вы с этим справляетесь? Ведь это огромная ответственность и нагрузка.*

– Это ответственность, но я не воспринимаю ее как нагрузку. И когда я общаюсь с учеником, для меня ничего не существует, кроме этого человека. Я полностью поглощена только им. Я поддерживаю очень близкие отношения – и профессиональные, и человеческие – практически со всеми своими выпускниками. Они могут обратиться ко мне в любой момент. И они это знают. Даже если мы не общаемся долго, они всегда рядом со мной. Я рада, когда они уходят в свободное плавание, стараюсь устраниваться, не вмешиваюсь активно в их жизнь.

– Удавалось ли Вам в ком-то из учеников что-то сильно изменить? Как-то кардинально повлиять на его дальнейшую судьбу? Или все находилось в рамках деликатного и чуткого совместного поиска оптимального пути?

Скорее, второе. Я думаю, что кардинально что-то судьбу изменить невозможно. Что-то поломать в самом человеке? Этого делать категорически нельзя. Если сломать, то через время человек все равно вернется к своей сущности, и она останется неразвитой. Важно почувствовать, что может именно этот ученик, активизировать его положительные, продуктивные качества – и в обучении, и в человеческих отношениях.

– Периодически где-то читаешь или слышишь от кого-то: «Это мой любимый ученик, это мой лучший ученик». Я, честно говоря, не представляю в Ваших устах таких слов.

– Да. Это все равно, что сказать «любимый сын». Все абсолютно разные, у каждого есть свои замечательные свойства характера, души. И для меня

это очень важно, очень ценно. Я люблю их всех. Просто кто-то после окончания остается в более близких со мной отношениях, а кто-то несколько отдаляется (это зависит и от степени географических расстояний). Но мы можем созвониться, встретиться – как будто и не расставались.

– Но есть же вещи очевидные – звания, должности, победы на конкурсах, успехи в педагогической работе, блестящие концертные выступления... Этого в Вашем педагогическом багаже немало: более 30 лауреатов самых престижных всероссийских и международных конкурсов, которые принесли в Вашу копилку около 60 побед только в номинации «сольное исполнительство». Кроме того, среди Ваших выпускников – директора училищ и музыкальных школ, завучи, заведующие отделениями, руководители творческих коллективов, солисты филармоний, участники ансамблей и оркестров во многих городах России. Есть чем и кем гордиться.

– Но больше всего меня радует, что практически на каждом конкурсе – от школьного до международного – выступают ученики моих учеников. За редчайшим исключением, все мои выпускники интересно, разнообразно и очень успешно реализуются в педагогике.

– Таким образом, наш разговор вернулся к отправной точке. Что есть преемственность, в чем она выражается?

– Педагогическая работа не имеет смысла, если она не обеспечивает преемственности. Не прерывать нить, связывающую моих учителей и моих учеников – вот моя роль. Это – суть моей жизни.